

ЭДУАРД ОВЕЧКИН

ЭДУАРД ОВЕЧКИН

НОРД, НОРД И НЕМНОГО ВЕСТ

Издательство АСТ
Москва

УДК 821.161.1-32
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
О-31

Любое использование материала данной книги,
полностью или частично, без разрешения
правообладателя запрещается.

Иллюстрации и оформление обложки — Ева Ракова

Овечкин, Эдуард Анатольевич.

О-31 Норд, норд и немного вест: [повесть, рассказы] / Эдуард
Овечкин. — Москва : Издательство АСТ, 2018. — 320 с.

ISBN 978-5-17-111293-6

Новая книга Эдуарда Овечкина, автора бестселлера «Акулы из стали», способна удивить его многочисленных поклонников. Впервые автор выступает в «большом жанре» и представляет читателям «Норд, норд и немного вест» — пронзительную повесть о любви и не только о ней. Эта история не оставит равнодушным никого. А новые истории о буднях подводников (среди которых, к удивлению читателей, окажутся не только люди) порадуют возросшим мастерством автора как рассказчика.

УДК 821.161.1-32
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-17-111293-6

© Э. Овечкин, 2018
© ООО «Издательство АСТ», 2018

**НОРД,
НОРД
И НЕМНОГО ВЕСТ**

*Моему другу, Вячеславу Тихонову,
посвящается.*

Часть I

И как будто мало было того, что и так уже хоть плачь, заморосил дождь.

***

— Капюшон, Егорка, — тронула его за плечо мама.

Да что уже мог бы исправить капюшон? Парада было абсолютно не видно за плотной, серой стеной толпы и только редкие звуки долетали с проспекта, да люди периодически вспыхивали аплодисментами и криками «Ура!». И от этого становилось ещё грустнее: если люди кричат «ура», значит им весело — так же? А ты стоишь и пялишься им в спины. Егорка терпел, терпел, но чем больше терпел, тем меньше видел в этом хоть какой-то смысл. Парад и по телевизору можно было бы посмотреть — пусть и чёрно-белому, но в сухости и тепле.

— Мам, — не выдержал Егорка, — мне не видно ничего.

А ещё он замёрз, и кто-то наступил ему на ногу, но это можно было бы и пережить, если бы вот не то, что не видно.

— Егорка, ну что мне сделать? Поздно мы с тобой пришли, малыш. Сами виноваты. Может, домой пойдём?

— Я не хочу домой, — шмыгнул носом Егорка, — я хочу парад посмотреть.

И выставил вперёд красный шарик на палочке с подвязанным у основания жёлтым цветком из гофрированной бумаги — цветок они сделали прошлым вечером сами и, пока делали, получили столько удовольствия от предвкушения праздника, что теперь ну никак невозможно было сдаться и уйти просто так. Люди, которые стояли впереди, периодически оглядывались на Егорку, но уступить ему своё место в первых рядах так никто и не собрался — хоть бери и обижайся на их чёрную чёрствость. Цветок медленно намокал и тускнел. А может и правда — домой?

— Разрешите? — пробасил кто-то сзади и сильные руки подхватили Егорку, понесли вверх.

— Ой, — сказала где-то внизу мама.

А Егорка и сказать ничего не успел, как уже сидел на плечах высоко-высоко и говорить было некогда: вот он парад, — весь, как на ладони.

— Ура! — закричал Егор и замахал шариком.

— Ура-а-а! — радостно поддержали его серые люди, которые были теперь не так впереди, как снизу, и Егор их немедленно простил, хотя и обидеться-то ещё толком не успел. Да и не такими уж серыми они казались отсюда — вон на той даме шикарный зелёный берет, а у усатого дядечки пальто и вовсе жёлтое. Да серого-то почти и не видно, когда смотришь сверху. В людях не видно.

Серая от собственной унылости погода, обычная для Ленинграда почти в любое время года, тоже обрадовавшись тому, что Егорка перестал страдать, выключила дождь и чуть-чуть показала солнышко. На минутку, правда, — вековые традиции из-за маленького мальчишка никто отменять не станет.

С плеч незнакомца видно было далеко и во все стороны — Невский был вымыт, украшен и выглядел торжественным сам по себе: разноцветные транспаранты (в основном красные), шары и прочие изыски советского праздника скорее вовсе и не украшали его, а выглядели посторонними и какими-то даже детскими среди монументальных домов, колонн и мостов. А народищу-то стояло и ходило вдоль него — мама дорогая! Где они бывают, эти люди, в обычные, будние дни, куда прячутся? Егорка был слишком маленьким, чтоб понимать, любит он этот город или нет, — дети в его возрасте умеют только любить, а понимать учатся много позднее. Но то, что он видел вокруг себя сейчас, его точно радовало.

— Мама! Как здорово! Ты себе не представляешь!

— Ты ничего не забыл сказать, Егор? — мама улыбалась, и это было слышно даже в строгой интонации её голоса.

— А, да! Дяденька, спасибо! — и Егорка глянул вниз.

Лица мужчины он не рассмотрел, но понял, что тот был моряк — в чёрной шинели, черных брюках, чёрных ботинках и чёрной шапке с обшитым кожей верхом. Ярко-белый шарф — вот и всё разнообразие в цветовой гамме костюма. А ещё он был высок — мама едва доставала ему до плеча.

— Смотри на здоровье! Для чего же проводить парады, если их не видят дети? Без детей любой парад — пустая трата времени, вот что я тебе скажу, малыш!

— Я не малыш! Мне скоро десять лет!

— Правда? — мужчина пошевелил плечами, взвешивая возраст Егорки, — а сейчас сколько?

— Пять!

— О, ну да, какой же ты малыш. Как звать-то тебя? Я Слава.

— Егорка.

— Ну будем знакомы, Егорка.

И Слава протянул вверх правую ладонь, Егорка солидно, не торопясь, пожал её, хотя делал это первый раз в жизни: мамыны подруги, обычные их гости, так не здоровались, а всё норовили целоваться, а Егорка этого не любил, — от них всегда душно пахло духами и приходилось потом оттирать губную помаду со щёк.

— Вячеслав, — протянул мужчина руку маме.

— Мария, — мама замешкалась, стягивая перчатку, и подала руку, — очень приятно. Спасибо вам, но может, право слово, не стоит... Вам, может быть, тяжело?

Рукопожатие её было коротким, но не безвольным, а твёрдым — Слава удивился, но оценил.

— Знакомиться с людьми на улице? Нелегко, да, это вы верно подметили! Ну я заставляю себя, — борюсь со скромностью!

— Нет, я про Егорку... на плечах его держать...

— Мария, я же военный моряк, волк, можно сказать, просоленных жидких степей и на плечах своих держу щит и отчасти даже меч нашей Родины. А сейчас в отпуске. И знаете — не по себе даже как-то с пустыми плечами. Глупо и бессмысленно так ходить. А тут — Егорка. Спасибо ему, — выручил меня от невыносимого безделья.

Мама засмеялась. Не в голос, как с подругами на кухне и когда Егорка всё собирался спросить: мама, ну зачем ты так смеёшься, даже мне понятно, что тебе не смешно, а тихонечко и зачем-то отвернувшись (Егорку ещё не успели научить, что люди иногда стесняются). А дальше он отвернулся и не слышал о чём говорят взрослые, — слышал, что они говорят, но вот о чём, в памяти не отложилось. Он кричал «ура» вместе со всеми, вместе со всеми махал своим шариком и любовался на ровные строи и красивые знамёна, плескавшиеся в сыром ленинградском воздухе.

***

Когда колонны прошли и сняли оцепление, толпа с тротуаров медленно потянулась по Невскому в сторону Дворцовой.

— Пойдём? — спросил Слава, — или вы торопитесь?

— Нет, — обрадовался Егорка, — мы абсолютно свободны!

— Егорка, ты же замёрз уже.

— Ну нет, мама, совсем нет.

— Да? А почему тогда нос синий? — придержав за плечо Славу, который уже было пошёл, мама встала на цыпочки и вытерла Егорке нос платочком.

— Просто посинел! — отрезал Егорка, застеснявшись, что ему на людях мама вытирает нос. — Ну пошлите уже, а то пропустим что-нибудь!

Именно с того момента Слава (если бы кто его потом спросил), пожалуй, и влюбился в Машу, первый раз уловив её запах, — легкий, едва уловимый, чуть горьковатый и с нотками цитрусов. Если бы тот же кто-то спросил у Славы про то, какой на Маше был шарф и был ли он вообще, какие были перчатки или, например, сапоги, то вряд ли он вспомнил бы. Или вспомнил, но подумав, а вот запах этот не забывал уже никогда.

Идти в толпе было весело, но пропускать уже оказалось нечего — транспаранты свернули и люди просто ходили туда-сюда, видимо, ожидая, что кто-то устроит им праздник и они в нём с готовностью поучаствуют. Некоторые устраивали праздник сами себе и даже прямо на Невском, разливая из рукавов и заметно веселея после того, как выпьют.

— Мария, а вы ведь тоже замёрзли, может зайдём и по чаю? Я угощаю.

— Егорка, как ты, насчёт чая?

— С пышками?

— Егор, ты меня удивляешь даже, разве я осмелился бы предложить озябшей даме чай без пышек?

Егорка прыснул — ему показалось смешно, что его маму называют дамой. В его понимании дамой называть следовало только строгих женщин в очках и с наброшенным на плечи платком, и непременно дежурящих на каком-нибудь посту: в музеях на стульчиках в уголках, например, вот точно сидят дамы. А мама его бывала строгой редко, очков не носила вовсе и улыбалась при любом подходящем случае. Ну какая из неё дама?

В пышечной на Желябова народу было страсть как много — очередь, загибаясь, тянулась из дверей на улицу ещё метров на десять.

— Подождём? — уточнил Слава. — Или дальше куда двинем?

— Вот нечего вам делать, — обернулась к ним бабушка, человека за три спереди от них, — вы же с ребёнком! Идите так, мы же не в Москве, знаете, душиться тут!

— А если остальная очередь против? — засомневался Слава.

— А если остальная очередь будет против, — бабушка сняла очки и оглядела улыбающихся людей, — то скажите им, что вы от Виолетты Аристарховны, и дело с концом!

— Да проходите, проходите, — немедленно согласилась очередь.

— Мы не знаем, кто такая Виолетта Аристарховна, — заметил мужчина откуда-то спереди, — но звучит это довольно серьёзно!

Взрослые взяли себе кофе с молоком и Егорке — чаю. С тарелочками дымящихся пышек уселись у окна, сняли верхнюю одежду и помахали Виолетте Аристарховне. Та, оторвав взгляд от какой-то потрёпанной книжонки, выставила вверх большой палец.

Чай обжигал, и Егорка, помня о том, что на людях прихлёбывать нельзя (а желательно этого не делать вообще, но так уж и быть, говорила мама, потерпим лет до шести), долго и сосредоточенно дул в чашку перед тем, как отпить первый раз. Взрослые смотрели на него с умилением (к чему Егорка уже привык и не обращал внимания) и жевали пышки молча. Да и как-то не по себе было бы растягивать удовольствие разговорами, когда вон очередь за окном стоит и, хотя никто на них не смотрит, но, наверняка же, в душе осуждают за медлительность и слабое человеколюбие: хоть за окном и Ленинград, но не до такой же степени.

— Предлагаю на брудершафт, пока есть чем и перейти на «ты», — протянул Слава маме свой почти пустой стакан кофе.

— Хм, — ответила мама, — не больно то вы высокого мнения о ленинградских женщинах, раз думаете, что они с первыми встречными незнакомцами на брудершафты выпивают в пышечных.

— Мама, — поднял руку с пышкой Егорка, потом дожевал и продолжил, — ну какой же он незнакомец? Он же Слава-моряк, который показал мне парад!

— Действительно! — с готовностью поддержал Слава. — Какой же я, после того, что у нас с вами было, незнакомец?

— Вечно вы, мужчины, заодно, ты посмотри! — мама шуточно погрозила Егорке пальцем. — Давайте тогда без брудершафтов, а то неудобно — люди смотрят.

— Маша? — как бы попробовал её имя Слава.

— Слава! — утвердила договор Маша.

После пышечной на улице стало намного уютнее и Егорка захотел ещё погулять.

— А никто не будет волноваться, что вас долго нет?

— Нет, — махнул Егорка, — мы одни живём вдвоём, и только мама у нас дома и волнуется!

— Эх, — сдвинул шапку на затылок Слава, — а ведь была мысль в ресторан вас завести, но, думаю, а вдруг — муж есть и будет некрасиво?

— Нет у нас мужа, — ответил Егорка, а Маша покраснела и засмузилась.

— Ну обязательно, что ли, муж? А, может, у меня жених есть?

— Странно... — хмыкнул Слава.

— Что странно?

— Что мы уж больше часа, как знакомы, а ты до сих пор говоришь «есть» вместо «был», когда дело жениха касается.

Маша даже остановилась:

— Ничего себе, моряки-то прыткие какие!

— Решительные, Маша, — Слава взял Машу под локоток и они пошли дальше, — это называется — решительные!

Жили Маша с Егоркой в коммуналке возле площади Восстания, и гулять решено было в ту сторону: Маше нужно было ещё закончить домашние дела и вовремя лечь спать — завтра же на работу.

— А я в отпуске, — сообщил Слава, — у друга тут живу. Наслаждаюсь культурной столицей. А где ты работаешь, Маша? Давай я тебя завтра встречу после работы? А Егорка днём где? В садике?

— В садике, да, я после работы его забираю.

— Ну вот — видишь, как всё ловко складывается: тебя встречу, Егорку заберём и сходим куда-нибудь. Не надолго. А потом, на выходных — можно будет и надолго.

— Я не знаю даже... Мне в магазин ещё нужно будет сходить... хотя бы.

— Так давай я схожу! Я же в отпуске! И встречу тебя прямо с продуктами, чем значительно сэкономяю время!

— Я — за, — сказал Егорка.

— А вас, молодой человек, никто и не спрашивал! Слава, я не знаю даже, как-то всё странно выходит... быстро... мне же надо подумать.

— Да что тут думать, Маша? Я же не замуж тебя зову, а просто погулять! Диктуй список, что надо в магазине купить. А завтра на работе и подумаешь. Проблемы надо решать по мере их поступления. Правильно? Правильно!

И Слава незаметно подмигнул Егорке. Егорка мигать одним глазом ещё не умел и поэтому подмигнул в ответ обоими.

Почти стемнело, и Невский стал ещё красивее: всего временного, цветного и трепещущего на ветру видно не было, а жёлтый свет от окон и фонарей прижимал тени к стенам, отчего они становились чёрными и загадочными, вместо серых и обыденных. Да, и в серых была история, но, вы же меня понимаете— чёрный совсем не то, что серый. И обелиск на площади Восстания, если смотреть издалека, казалось, будто парит над тёмной площадью. Или если и не парит, то вот-вот собирается взлететь.

Слава проводил их до двора, — обычного ленинградского стакана, изнутри которого казалось, что обрамляющие его дома тянутся до самого неба и окон в них столько, что в одном таком дворе расселить можно чуть не маленький городок. Все пожали друг другу руки, поблагодарили за приятную компанию и, условившись встретиться завтра, разошлись.

***

Слава не сразу ушёл. Подождав, пока Маша с Егоркой скроются в парадной, он долго стоял в арке и смотрел

на окна, но зажигались и гасли они так бессистемно и лихорадочно, что не было ни малейшей возможности угадать, какие же из них — те самые. Поздоровавшись с прошедшей мимо него пожилой парой с собачкой на поводке, он достал из кармана пачку сигарет, закурил и ещё посмотрел на окна, но уже не угадывая, а что-то себе представляя. И видно было, что то, что он представлял, ему нравилось, а иначе — зачем бы он улыбался?

И когда шёл до метро, продолжал улыбаться и кивал прохожим, которые улыбались ему навстречу. И потом, передумав, пошёл дальше, до следующей станции метро, на которой они условились встретиться завтра и постоял там, глядя на поток людей, поднимающихся по эскалатору, всё ещё улыбаясь. Домой ехать решительно не хотелось, как и стоять здесь дальше, и Слава пошёл гулять. Гулял долго, но никуда не заходил и поехал домой уже сильно поздно, изрядно устав и даже немного замёрзнув, но от этого приятно устав и не мучаясь долгими ожиданиями завтрашнего дня.

***

Маша, придя домой, забегалась по хозяйству, а потом, читая Егорке сказку на ночь, чуть не уснула раньше, чем он сам. С утра, за привычными делами, которые можно было делать и не до конца проснувшись, Маша вспомнила про Славу и воспоминание это ей было приятно, а потом как-то затерялось в трудовом дне бухгалтерского отдела и затерялось до того, что Маша даже ойкнула (тихо — никто и не слышал), когда увидела Славу, стоящего с сумкой и букетом на выходе с эскалатора станции «Маяковская».

Слава заметил Машу позднее, и ей было приятно наблюдать пару секунд, как он выискивает глазами в толпе её и даже... волнуется, что ли?

— Маша!